

“Еще ни один спектакль от репетиции лучше не становился”

Кукушка. - 2004. - 10-16 июня. - с. 16

К 100-летию со дня рождения Татьяны Пельтцер

Татьяна Ивановна Пельтцер была актерским ребенком. Ее отец Иван Романович Пельтцер в 1925 году одним из первых получил почетное звание заслуженного артиста республики. Документ об этом событии подписан самим Анатолием Васильевичем Луначарским. Отец был москвич, но служил в Харьковской, в Киевской антрепризах, потому что работать у известного русского антрепренера Николая Николаевича Синельникова считалось делом почетным. Свою маленькую дочь Иван Романович привел к Синельникову, и тот, оценив по достоинству талант девочки, утвердил ее на роль мальчика в инсценировке романа Генрика Сенкевича “Камо грядеши”. Она играла и Сережу Каренина, и Леночку в “Дворянском гнезде”. В четырнадцать лет заменила заболевшую артистку в роли Ани в “Детях Ванюшина”. Счастью ее не было предела, но отец восторга не разделял, наоборот, сказал, что, если бы она так не радовалась оттого, что играет, может быть, сыграла бы лучше. Через два года ее приняли в труппу передвижного Театра Политуправления Революционного военного совета Республики. Свой первый самостоятельный сезон она начала в Ейске. Она играла в Нахичевани, в Пензе встретилась с молоденькой Риной Зеленой. Наблюдала за работой Ольги Жизневой, была на репетициях Владимира Карпова. Три года колесила по всей стране. В Москве ее взяли в труппу театра МГСПС. Там она проработала семь лет и уехала за границу. О своем бурном романе тех лет она поведала режиссеру, с которым судьба сведет ее сорок лет спустя, Марку Анатольевичу ЗАХАРОВУ. “Она влюбилась в немца, который работал в нашей стране, — рассказывает Захаров. — Вышла замуж и уехала в Германию. Больше того, она была в той самой знаменитой пивной, где разлагался Адольф Шикль-грубер, потому что ее Ганс сказал, что это великое явление и это нужно посмотреть. Но, призналась мне Татьяна Ивановна, Гитлер ей не понравился как мужчина, поэтому никакие его идеологические догмы не

смогли ее вдохновить. Ее немецкая идиллия быстро закончилась. В Германии она познакомилась с русским инженером-автомобилестроителем, которого в числе многих специалистов Сталин послал за границу. Инженер стал предметом новой страстной любви Татьяны Ивановны. Сам ответил ей взаимностью, и бывший муж выдворил ее из Германии обратно в СССР, как она мне сказала: “Совершенно справедливо”.

В Германии было не до актерства, но дома Пельтцер не сидела, работала машинисткой в торгпредстве СССР. Она вернулась не только в Москву, но и в театр МГСПС. Правда вскоре ее оттуда уволили за профнепригодность, ведь актерского образования она так и не получила. Пельтцер устроилась машинисткой на завод. Без театра она выдержала год, а когда поняла, что ничем другим заниматься не сможет, что это ее призвание, уехала в Ярославль, в Театр им. Волкова. В 1937 году она возвратилась в Москву и до того, как спустя десять лет стала актрисой Театра сатиры, поработала в разных театрах: Колхозном, имени Моссовета, миниатюр. В Театре сатиры началась совместная работа с режиссером Марком Захаровым. “Первый раз я увидел Пельтцер в фильме “Свадьба с приданым”. Мне всегда было интересно узнать, как она выглядела, когда была молодой. Ее близкая подруга Ольга Александровна Аросева сказала: “Да она никогда не была молодой. Она всегда была такой”. Близкое же наше знакомство с Татьяной Ивановной началось совсем не так, как мне бы хотелось. По приглашению Валентина Николаевича Плучека я ставил в Театре сатиры “Доходное место”. Собрал артистов, сделал режиссерскую экспликацию, рассказал, какой будет интересный спектакль. Наступила пауза, которую я ошибочно принял за восторженную, и вдруг послышалась ядовитая реплика Пельтцер: “Вот когда у нас человек ничего не умеет, он сразу лезет в режиссуру”. Я постарался свести все к шутке. Впрочем, она произнесла эту фразу не зло. Она умела ворчать ве-

Т. Пельтцер

село. В процессе репетиций постепенно приходило доверие. В режиссуру она никогда не вмешивалась, но свои какие-то задумки предлагала и была в этом интересным сценическим мастером. Она никогда не фальшивила. Могла быть на какой-то репетиции или спектакле скучна, невыразительна, но всегда правдива. В этом отношении она — великий последователь системы Станиславского и всех его заветов. Нередко она одаривала нас замечательными высказываниями из “старого” театра. Мне она постоянно напоминала, что у знаменитого антрепренера Корша каждую пятницу была премьера, тем самым намекая, что я с каждым спектаклем вожусь очень долго. За-

пнувши как-то на репетицию, в которой она участие не принимала, она бросила фразу, которая до сих пор у нас в ходу: “Помните, что еще ни один спектакль от репетиций лучше не становился”.

Первой ее ролью в Театре сатиры была миссис Джекобс в памфлете Е. Петрова “Остров мира”. Потом она играла в спектаклях: “Чужой ребенок”, “Пролитая чашка”, “Свадьба с приданым”, “Хор”, “Мои Надежды”, “Старая дева”, “Ложь для узкого круга”, “Мой дом, моя крепость”, “Завтрак у предводителя”, “Интервенция”, “Дом, где разбиваются сердца”, “У времени в плену”, “Темп 1929”, “Малыш и Карлсон”, и только две роли классического репертуара: Манефы

в “На всякого мудреца довольно простоты” и Кукушкиной в “Доходном месте”.

Очень заразительна она была в роли тети Тони в спектакле “Прощись и пой”. Она пела, танцевала, взлетала по лестнице с легкостью молоденькой девочки, а ведь ей уже было под семьдесят. Озорная, энергичная, эпатирующая окружающих, она так просто решала проблемы, что героям спектакля ничего другого не оставалось, как соглашаться с тетей Тони. Так же заразительно она играла Марселину в спектакле “Безумный день, или Женитьба Фигаро”. Своим веселым талантом актриса всегда приносила радость зрителям, вызвала их смех и сама

испытывала счастье от общения с публикой. Особенно трогательно она относилась к зрительницам, не раз признавалась им в любви: “Я обожаю моих любимых зрительниц. Они бросят в гардероб свои пудровые авоськи с картошкой и растоптанные сапоги, наденут на ноги изящные туфли. Несколько манипуляций перед зеркалом, и забудется ужасная очередь, давка в автобусе, злой начальник. Теперь это просто доверчивые зрители, которые будут внимать мне в эти вечерние часы. Для вас я выхожу на подмостки, несмотря на возраст и недуги, я не желаю сдаваться. Терпеть не могу очков, всяких старушечьих нарядов, нитья, пыхтенья!”

Она пользовалась бешеной популярностью. Стоило ей на гастролях, в другом городе выйти на улицу, как ее немедленно окружали люди, а на рынках ее одаривали овощами, фруктами, сладостями на месяц вперед. Правда, с гастролями было не все гладко. Большую часть жизни Пельтцер не выпускали за границу, и даже если труппа ехала в какой-то город близ границы, ей туда тоже было нельзя. Наверное, боялись, что она либо убежит, либо, вооружившись рацией, начнет передавать какие-то сведения.

Среди множества ее театральных ролей была одна, казалось, совсем ей несвойственная — главная роль в спектакле Театра сатиры “Мамаша Кураж и ее дети”. Не было в ней привычного веселья, озорного блеска в глазах — перед нами была состарившаяся, измученная войной женщина, потерявшая своих детей. Пустые глаза, заторможенные движения. Кажется, что человек не может выдержать такое, но она находит в себе силы и снова собирается в дорогу. Пельтцер играла тетю, мам, бабушек, дядю, птичника, ткачих, дворников, графинь, синьор, волшебниц, Бабу Ягу и даже гофмейстерину, но играла только Снегурочку. Лишь однажды на эту роль ее утвердил режиссер, которому захотелось, чтобы артистка была со званием. Деда Мороза должен был играть молодой артист. На репетициях он никак не мог на-

звать Татьяну Ивановну внученькой, а когда принесли костюмы, стало ясно, что делать ему это не придется. Деда Мороза привязали к боробе, а на Снегурочку едва успели надеть кокошник с косами, как раздался гомерический хохот всех — от осветителя до билетера, включая и лесную живность: волков, лисиц, зайцев. Когда спросили у единственного юного зрителя, сына гардеробщицы, присутствовавшего на репетиции, кто ему понравился, он ответил: “Бабушка Снегурочка и ее внучек Дед Мороз”. Режиссер, который все это затеял, смеялся дольше всех, а потом снял ее с роли. Несмотря на то что особо больших ролей у нее было немного, она смогла создать народный характер, всегда узнаваемый и неповторимый. Пельтцер очень сердечно общалась с молодежью, шутила, что рядом с молодыми сама молодеет. Очень любила артиста, с которым выходила на сцену в последнем своем спектакле “Поминальная молитва”. Беспокоилась, как бы чего не забыть, не перепутать и не подвести Александра АБДУЛОВА. “Я смотрел на нее как на икону, — говорит артист — но она вела себя просто, никогда не стремилась доказать, что она лучше, была демократична со всеми. Мы снимались с ней в “Формуле любви”. Она поражала меня своим мастерством, удивляла органичностью своего существования. Ее невозможно было переиграть. Татьяна Ивановна приходила на все “задворки”. Сидела в зале. Видно было, что ей все это нравилось. Я не ощутил момента ее старения, не видел ее болезни. Почти до последнего времени она играла в “Поминальной молитве” мою маму. Все ее реплики встречались аплодисментами. По ходу спектакля она, указывая на одного из артистов, спрашивала: “А кто это?” Я отвечал: “Это Степан” — и она говорила: “Редкое имя”. Однажды она сказала: “Редкая фамилия”. Зал лег, а Захаров эту реплику немедленно закричал и попросил Татьяну Ивановну всегда так говорить.”

Татьяна ПЕТРЕНКО